

УДК 821.161.1

**«БЫВАЮТ СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ»:
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» А.С. ПУШКИНА
И «ЛЕОН» А.В. НИКИТЕНКО**

© **Волков Иван Олегович** (2023), ORCID: 0000-0002-6317-8397, SPIN-код: 4823-4376, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36), wolkoviv@gmail.com

© **Павлович Кристина Константиновна** (2023), ORCID: 0000-0002-4364-9120, SPIN-код: 3396-7754, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36), pavlovitch.cristina@yandex.ru

Статья посвящена изучению «онегинской традиции» в художественном творчестве профессора Санкт-Петербургского университета, действительного члена Императорской академии наук, историка русской литературы, литературного критика и цензора А.В. Никитенко (1804–1877). В центре исследовательского внимания находится неоконченный роман Никитенко, известный под общим названием «Леон», три небольших отрывка из которого были напечатаны в первой трети XIX века в таких популярных отечественных изданиях, как альманах «Полевые цветы» (1828), альманах «Северные цветы» (1831) и «Невский альманах» (1832). Творческий (хотя и фрагментарный) опыт критика и цензора в своем смысловом центре обнаруживает неслучайную связь с романом А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Опубликованные отрывки из «Леона» сопоставляются с пушкинским романом в стихах, что позволяет впервые раскрыть специфику моделируемого А.В. Никитенко образа рефлекслирующего героя, который противостоит «болезни века» (подражательной и искусственной романтике) и пытается ее преодолеть с помощью философии (закономерно, что произведение А.В. Никитенко имеет черты философского романа). Но при этом для создания образа Леона А.В. Никитенко использует едва ли не весь художественный текст русского и зарубежного романтизма. Механизмы диалога с этим текстом также являются предметом рассмотрения в статье. Кроме того, обосно-

ываается тезис о том, что образ Леона можно трактовать как специфическое соединение черт Евгения Онегина и Владимира Ленского.

Ключевые слова: А.В. Никитенко, роман «Леон», А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», А.П. Керн.

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых: МК-1380.2022.2 «Неизвестные страницы русского романтизма: художественные опыты А.В. Никитенко (проблематика, поэтика, текстология)»

Работу над романом «Леон» А.В. Никитенко начал в мае 1827 г. после знакомства с А.П. Керн, откровенное кокетство которой он принял за проявление искренних чувств к нему и сам горячо влюбился. Однако безмятежное упоение любовью продолжалось недолго, а главным его нарушителем явился А.С. Пушкин. Никитенко воспринял поэта не иначе как соперника, но с пониманием того, что равняться с ним ему совершенно невозможно. Именно период странных и непродолжительных романтических отношений с оставившей мужа петербургской красавицей в дневниках и переписке Никитенко запечатлел творческую историю романа «Леон». Керн была выбрана Никитенко доверенным лицом, и ей было позволено первой и практически единственной ознакомиться с едва наметившимся замыслом и дать ему полную оценку. В письме к автору от 27 июня 1827 г. после прочтения отрывков из романа Керн писала о своих впечатлениях: «...я нахожу, что ваш Герой – не влюблен! (разрядка Керн. – *И.В., К.П.*) – что он много умствует и что после холодного, продолжительного рассуждения как бы не у места несколько пламенных и страстных выражений» [Керн 1989, 289]. Никитенко в ответе Керн, признавая ее право на такое мнение и не соглашаясь с ним, разворачивает свою концепцию будущего романа, в котором на первое место сознательно ставится назидательно-просветительская цель. При этом он уверяет, что его произведение – это слепок современности: «Я смотрю более на то, что совершается и зреет в недрах нашего века...» [Керн 1989, 300]. В изображении страстной природы человека он отдает предпочтение умиротворению, в поисках которого тот и должен находиться и главным олицетворением которого, по его мысли, должна быть добродетель, одна способная «примирять, сосредоточивать и приводить в гармонию» [Керн 1989, 300–301].

Первая публикация романа Никитенко состоялась в 1828 г. в альманахе «Полевые цветы». Здесь были представлены отрывки из романа, названного «Леон и Маргарита, или Предрассудки XIX века». Свою задачу Никитенко видел в разоблачении иллюзий поколения, которое, по его словам, копирует форму поведения и принципы жизни из популярных романтических сочинений. Способ преодоления подражательной и искусственной романтики – «болезни века» – автор находит в философии как в единственном и «действительном лекарстве против оной» [Никитенко 1955, 49].

Отрывок из романа «Леон» выходит в то время, когда Пушкин ведет поглавную публикацию «Евгения Онегина»: к началу 1828 г. читатели имели представление уже о половине произведения. Никитенко был в числе тех, кто прилежно следил за выходом новых глав. В своем дневнике (запись от 15 октября 1827 г.) он оставил подробный отзыв о третьей, где Онегин знакомится с Татьяной. Именно выход скромной деревенской барышни на первый план становится для Никитенко стимулом не только для того, чтобы более-менее целостно оформить первые фрагменты своего романа, но и для выпуска их в печать, на суд публики. Восхищаясь Татьяной Лариной, он находит в ее образе идеальное совмещение двух начал, сочетание которых намеревался показать и сам: «исступление страсти и голос чистой невинности» [Никитенко 1955, 60]. На примере собственного героя Никитенко мыслил изобразить, как «великое, уже рожденное, уже созревшее в душе благородной, объемлется с любовью и делается могущественным союзом сил» [Керн 1989, 301].

В своей «воздушной громаде» Пушкин «попытался обобщить нравственный опыт той эпохи, в которой он, человек и поэт, вынужден пребывать» [Кошелев 1999, 16]. К подобному же обобщению, но с философских позиций стремился и Никитенко. Роман в стихах отвечал «на еще не сказавшийся определительно запрос времени» [Иванов 1987, 325]. Обновление жанра пытался осуществить и Никитенко, желая написать именно «философский роман». Чуть позже рецензент «Телескопа», давая краткую характеристику второго отрывка из «Леона», укажет в нем на «новое, особенное направление, доселе не испытанное еще нашим романом, – направление философское» [Летописи 1832, 299].

Имя главного героя романа Никитенко заимствует у Н.М. Карамзина, ассоциативно подкрепляя такой отсылкой ту роль, которой он его наделяет. Из юноши, «оставленного любовию и дружбою», автор по

известному примеру моделирует позицию «рыцаря своего времени», намереваясь раскрыть «прекрасные возможности человека» [Лотман 1992, 475]. Но выдвигание имени в заголовок романа явно содержит в себе намёк на пушкинского Онегина, на спор с ним. Это «преимущество» Леона в названии произведения далее распространяется и на всю форму повествования – исповедь, выстраивающую по-пушкински очень своеобразные отношения между героем и автором.

Начало «Евгения Онегина» полностью отдано герою, но после изложения мыслей «молодого повесы» в первой строфе начинает доминировать всепроникающий голос автора. Никитенко, внешне организуя романное повествование от первого лица, нравственно-философскую акцентуацию проводит именно властью автора. Играя с повествовательной формой: представляя читателю то отрывки из «памятной книжки» героя, то целиком его письмо, то (уже в последующей публикации) устный рассказ, Никитенко оставляет неизменным сам строй речи, в котором мудрствование всегда является фундаментом. Лирическая философия Пушкина свободно и непринужденно «моделирует мир сознания Онегина, Ленского, Татьяны» [Янушкевич 2013, 444], у Никитенко же (при подобной всеобъемлемости слова скрытого автора) герои полностью зависимы от направляющей их философской логики.

Для определения идейного направления «Леона» и характера героя Никитенко использует смысл французского эпитафия, которым Пушкин предварил публикацию первой главы «Евгения Онегина». Это цитата из вымышленного «частного письма», сочиненная самим поэтом:

Проникнутый тщеславием, он обладал, сверх того, еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках, – следствие чувства превосходства, быть может мнимого [Пушкин 1837, 662].

Яркая характеристика пушкинского героя используется Никитенко как отправная точка в предполагаемом им пути нравственного воспитания Леона. В середине первого отрывка герой прямо признается в своей эгоистической природе, откровенно заявляя о себе в логике пушкинского эпитафия: «Я человек гордый и свободный; независимость от всех отношений света и жизни – есть мой нравственный идеал» [Никитенко 1828, 25]. Натура Леона изображена автором

подчеркнуто романтически, но ожидаемое проявление в нем мятежа чувства и мысли заменяется философским устремлением к идеалу. Никитенко прямо опирается на пушкинский образ, когда рисует полное одиночество героя, которое тот избирает совершенно сознательно. Отшельничество Леона оказывается сродни анахоретству Онегина и других героев байронического типа.

Уединение Леона – это бегство от недавнего прошлого, в котором случилась своя «мятежная борьба сердца с мыслию возвышенною», попытка смирить «бурные страсти», причинившие много боли и страдания [Никитенко 1828, 17]. Как Онегин, он бежит от надоевшего ему общества и оказывается в глухом краю, посреди первозданной природы. Описывая своё скромное жилище, Леон уточняет, что оно находится «в некотором отдалении от других, примыкает к подошве крутой горы, увенчанной печально зеленеющими соснами и елями» [Никитенко 1828, 18]. Эта картина выполнена с прицелом на первую строфу второй главы пушкинского романа:

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёлы... [Пушкин 1837, 31].

Как и Онегина, Леона практически не трогает живописность местности, в которой он находится, более того, для него она абсолютно «скучна и безотраднa», как сама жизнь. Но у Пушкина окружающий пейзаж одушевлен поэтическими оптимизмом и задором, самой красотой, Никитенко же всему этому нарочито противопоставляет пессимизм, который умертвляет картину русской зимы («кумершая природа, в своём белом саване») [Никитенко 1828, 19]. Романтическое разочарование Леона окрашено в байронические краски «мировой скорби» и уныния, в которых можно увидеть намёк на Манфреда и Чайльд Гарольда, тогда как «русская хандра» Онегина – это «общее разочарование в себе, в свете, в окружающей жизни» [Янушкевич 2013, 442]. Пушкин разводит своего героя с байро-

нической личностью, между ними «изначально пролегла некая пропасть» [Кошелев 1999, 29], Никитенко же важно представить Леона поверженным индивидуалистом, который хочет смирить страсти и пытается преодолеть разочарование.

Оба автора изображают героев жаждающими, находящимися в сложном духовном поиске, но кардинальное отличие Онегина в том, что «ему суждено так и оставаться всю жизнь в том состоянии духовного одиночества, которое определено ему “горем от ума”» [Кошелев 1999, 51]. Для него своеобразным утешением могла бы стать поэзия. Никитенко словно переосмысляет судьбу Онегина, показывая тот предмет, что обозначит цель жизни, обеспечит герою спокойствие и доставит удовлетворение – не потенциальную поэзию, а приложимую к жизни философию.

Поскольку вся речь в романе Никитенко формально целиком отдана главному герою, то именно из его впечатлений читатель должен собирать образ возлюбленной, заданный уже в заглавии. Однако письмо к Маргарите, занимающее почти половину текста, практически не способствует ее персонификации. Излияние чувства, разбавленное философскими рассуждениями, фокусирует внимание все так же на Леоне, чьи мысли соответствуют изменчивости его состояния. Внешне в его любовном послании главное – углубленная рефлексия по поводу сердечной привязанности, но она растворяется в романтическом самоанализе. Никитенко точно следует своему плану относительно внутреннего развития Леона, согласно которому любовь «не должна составлять главного, единственного предмета; она не должна поглотить всего сердца» [Керн 1989, 301]. На представленную Никитенко траекторию протекания любовного чувства «Евгений Онегин» повлиять не смог, поскольку поэт еще не представил образец письменного объяснения героя с Татьяной.

Второй отрывок из романа, названный уже кратко («Леон, или Идеализм») и продолжающий линию развенчания «предрассудков XIX века», был опубликован в альманахе «Северные цветы» только спустя четыре года, то есть в 1831 г. Никитенко будто по примеру Пушкина вынужденно растягивает печатание продолжения истории своего романтического героя. Символично появление новых фрагментов именно в том издании, где появлялись отрывки из «Евгения Онегина».

Во втором отрывке Никитенко приоткрывает фабульный занавес – дает фрагмент биографии Леона. Хронотоп рефлексии отнесен

уже к периоду детства героя и сопровождается кратким изложением основ его воспитания. Никитенко пытается воспроизвести процесс формирования сентиментально-романтической натуры, в которой все определяется двумя важнейшими чертами: склонностью к мечтательству («Какая-то тихая задумчивость постепенно увлекала меня в иной мир») [Никитенко 1831, 259] и чрезвычайной чувствительностью («Я не мог видеть ни одной слезы другого без горького соучастия») [Никитенко 1831, 264]. При этом в развитии этих сторон особую роль сыграла литература: именно чтение стало катализатором внутренней жизни героя («Романы <...> раскрыли еще более сие чувство, поджигая огонь насильственно, раздраживая потребность сердца...») [Никитенко 1831, 264]. И в этом портрете юного героя, почти достигшего «осмнадцати лет», угадываются черты Владимира Ленского.

Сближающим фактором выступает сама намеренная литературность образов. Пушкин не только создает поэтический ореол вокруг своего героя, но делает его облик цитатным, наполняет «повествование о нем серией явных или скрытых цитат из популярных произведений, которые тут же переосмысляются» [Кошелев 1999, 65], – И.И. Дмитриев, П.А. Вяземский, К.Ф. Рылеев. Никитенко в образе своего Леона использует не столько конкретные литературные ассоциации, среди которых, например, шиллеровский Карл Моор, сколько весь художественный текст романтизма. При этом в сознании героя по законам романистики выстраивается и вся мировая история, запечатлевшая знаменитые события и достославные имена. Для Никитенко это способ обозначить идеалистический уклон или крен в начальной жизни героя, который должен был драматически себя проявить в развитии его дальнейшей судьбы. Прямым намеком на это и заканчивается весь отрывок: «Опыт скоро доказал мне, что и я действующее лицо в сей великой драме...» [Никитенко 1831, 282].

Обращается Никитенко и к университетской стороне воспитания Ленского – геттингенского студента, приобщенности его к «высшим наукам», в том числе философским. Он помещает своего героя в столичный университет, олицетворяющий собой «пучину глубокой умственной жизни», которая должна отрезвить юношескую голову и вывести Леона из «тихой сени фантастических грез» [Никитенко 1831, 272]. Но как Ленский не сделался ученым мужем, определив для себя лишь один философский вопрос – «цель жизни нашей», так и Леон не избавился от мечтательства. Обучение в

университете придало его грезам новое направление: заставило задуматься о собственном предназначении, которое он связывает совсем не с «поприщем гражданской жизни», интуитивно предугадывает для себя «что-то великое» [Никитенко 1831, 271]. Университетская мудрость обозначила в рефлексирующем сознании юноши роковую двойственность: с одной стороны, его начала «снелать томительная, жгучая жажда нравственной деятельности», а с другой – он «не сознавал в себе никакого определенного назначения» [Никитенко 1831, 274].

Герой Никитенко, как и Ленский, чуждаясь обыденности, туманно мыслит свою будущность в гордом и самоотверженном исполнении какого-то высокого долга: «...искупим ужас народов, и потомство в юном Властителе ветхих племен не увидит варвара!..» [Никитенко 1831, 278]. Автор ставит юношу – представителя нового поколения, которым тот и сам себя ясно сознает, – в ту же ситуацию распутья, о которой говорил Пушкин применительно к судьбе Ленского. Поэт в конце шестой главы представил два варианта возможного осуществления жизненного пути героя: «великий человек, заслуживший “благословение племен”, и скромный деревенский обыватель» [Кошелев 1999, 76]. Никитенко оставляет для Леона две подобные же возможности. С одной стороны, для героя важен факт его принадлежности к степным дворянам: родился и вырос «среди людей, которые живут сердцем только тогда, когда ссорятся друг с другом, а умом, когда сочиняют векселя, свадебные записи и духовные завещания» [Никитенко 1831, 276–277]. Все это знак того обыкновенного мира, от которого Леон мысленно бежит, который всем сердцем презирает. Не случайно в его автобиографии содержится описание того, как его мать, получившая воспитание в «одном из тех заведений столицы, где юное поколение россиянок <...> в тишине расцветало, чтобы тонкою образованностью ума, вкуса и сердца со временем смягчить суровые души мужейскифов», должна была попасть в круг совершенно чуждых ей людей, для которых существовали только «тревоги житейских нужд» и «волнение страстей грубых» [Никитенко 1831, 265]. Герой Никитенко явно противопоставляет Петербург как средоточие просвещения ума и сердца и степную деревню как символ необразованности и дикости. В портрете отца Леона содержится аллюзия на созданную Пушкиным яркую бытовую картину провинциальной жизни, которой сторонится Ленский:

А.С. Пушкин

Господ соседственных селений
Ему не нравились пиры;
Бежал он их беседы шумной.
Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно, не блистал ни чув-
ством,
Ни поэтическим огнем,
Ни острою, ни умом,
Ни общежития искусством
[Пушкин 1837, 36].

А.В. Никитенко

Отец мой мало наблюдал за
моим поведением; его жизнь была
не иное что, как длинное сцепление
обедов и ужинов, хозяйственных
распоряжений об отсылке процен-
тов в банк, маленьких тяжб и ми-
ровых сделок с соседями и возгла-
сов о поправлении крестьян, труд-
ных временах и торговом деспо-
тизме англичан [Никитенко 1831,
265].

С другой стороны, Никитенко через всё те же мечтательство и чувствительность героя показывает его устремлённость в сферу идеального, высокого, которая должна открыть юному порыву широкий горизонт действий: «...мне хотелось быть человеком: ибо мысль о достоинстве человеческого рода, как ясная звезда любви на утреннем небосклоне, сияла лучшим блеском среди юношеских моих помыслов» [Никитенко 1831, 275]. Он остается романтиком и уже в третьем отрывке из романа Никитенко показывает, как мучительно на героя действует обозначившееся в молодые годы нравственно-философское раздвоение.

Последний отрывок, уже совсем небольшой по объему и с тем же названием, был опубликован за год до выхода первого отдельного издания «Евгения Онегина» в «Невском альманахе» за 1832 г. Этот фрагмент Никитенко разделил на две части, объединив их своеобразным предисловием, в котором к читателю обращается человек уже разочарованный, потерпевший кораблекрушение «в опасном море жизни» [Никитенко 1832, 137] и ныне вспоминающий о своем горестном прошлом. Первая часть продолжает повествование о юноше, который начинает уже серьезно «вопрошать себя о судьбе и назначении человека» [Никитенко 1832, 138], но он по-прежнему не умеет «согласовать своих обширных притязаний с законами жизни» [Никитенко 1832, 138]. Никитенко словно прочерчивает путь Владимира Ленского, каким он мог бы быть, если бы надеждам и замыслам не помешала смертельная дуэль, ведет его по наметившейся в романе траектории ожидаемого разлада мечты и действи-

тельности. Усиливая поставленные Пушкиным акценты в изображении героя, он приводит его к тому решительному моменту, когда «ум, еще в сужденьях зыбкой», сталкивается с «железным царством эмпиризма» [Никитенко 1832, 142]. С Леоном происходит то, от чего Онегин снисходительно уберегал Ленского: рушится его вера в «мира совершенство». Очень схематично Никитенко показывает, как на «пламенную душу» его героя обрушивает мир прозы. В небольшом отрывке происходит пробуждение ото сна, когда Леон «с ужасом видит себя низринутым» в обыденность, где «вещи борются и гибнут, возрождаются из праха, чтобы снова бороться и снова гибнуть» [Никитенко 1832, 142]. Это состояние невольного и мучительного соприкосновения с житейской суетой: «...к сожалению, я, как и все люди, был сын земли; скованный как звено, с сонмом существ мыслящих, я должен был разделять их жребий – и жребий их – глупости и злополучия» [Никитенко 1832, 142].

Вторая часть отрывка представляет лаконичное рассуждение героя на тему «человек и толпа». Не желая расстаться с идеалом, Леон произносит себе «кровавый приговор вечного отчуждения от людей» [Никитенко 1832, 144]. Такое положение возвращает читателя к ситуации самого первого отрывка, где обрисовано то же сознательное отшельничество, удаление личности от мира. Установить сюжетную последовательность между двумя фрагментами затруднительно, так как нет никаких знаков, указывающих на зависимость их друг от друга в составе общего целого. Но явная связь между ними говорит о том, что, возможно, Никитенко переработал начальный материал, сохранив в качестве центра мотив уединения, бегства от общества, вынужденного одиночества. Здесь «онегинский след» уже теряет свою явную очерченность.

Таким образом, пример «Евгения Онегина» позволил Никитенко обозначить проблему поиска, выбора и самоопределения молодого интеллигента. Отталкиваясь от Пушкина, он строил образ своего Леона через сочетание черт Онегина и Ленского, при этом отдавая преимущество философскому (или умозрительному) характеру его развития.

Источники

Керн 1989 – *Письма А.П. Керн к А.В. Никитенко и А.В. Никитенко к А.П. Керн* // Керн А.П. Воспоминания. Дневник. Переписка. М., 1989. С. 288–302.

Летописи 1832 – *Летописи отечественной литературы* // Телескоп. 1832. № 2. С. 295–313.

Лотман 1992 – Лотман Ю.М. *Карамзин Николай Михайлович* // Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 470–477.

Никитенко 1828 – Никитенко А.В. *Леон и Маргарита, или Предрассудки XIX века* // Полевые цветы. СПб., 1828. С. 17–41.

Никитенко 1831 – Никитенко А.В. *Леон, или Идеализм* // Северные цветы. СПб., 1831. С. 253–282.

Никитенко 1832 – Никитенко А.В. *Леон, или Идеализм* // Невский альманах. СПб., 1832. С. 137–147.

Никитенко 1955 – Никитенко А.В. *Дневник*. Т. 1. Л., 1955.

Пушкин 1937 – Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений*: в 16 т. Т. 6. М.; Л., 1937.

Литература

Иванов 1987 – Иванов Вяч. И. *Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4*. Брюссель, 1987.

Кошелев 1999 – Кошелев В.А. *«Онегина воздушная громада»*. СПб., 1999.

Янушкевич 2013 – Янушкевич А.С. *История русской литературы первой трети XIX века. Учебное пособие*. М., 2013.

"STRANGE RAPPROCHEMENTS DO HAPPEN": "EVGENY ONEGIN" A.S. PUSHKIN AND "LEON" A.V. NIKITENKO

© **Volkov Ivan Olegovich** (2023), ORCID: 0000-0002-6317-8397, SPIN code: 4823-4376, PhD (philological sciences), Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, National Research Tomsk State University (Russian Federation, 634050, Tomsk, Lenin Ave., 36), wolkoviv@gmail.com

© **Pavlovich Kristina Konstantinovna** (2023), ORCID: 0000-0002-4364-9120, SPIN code: 3396-7754, PhD (philological sciences), Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, National Research Tomsk State University (Russian Federation, 634050, Tomsk, Lenina Ave., 36), pavlovitch.cristina@yandex.ru.

The article is devoted to the study of the "Onegin tradition" in the artistic work of A.V. Nikitenko (1804–1877), a professor of St. Petersburg University, a member of the Imperial Academy of Sciences, a historian of Russian literature, a literary critic and censor. In the centre of the research attention is Nikitenko's unfinished novel known under the common name "Leon", three small excerpts from which were printed in the first third of the 19th century in such popular Russian publications as the almanac "Field

Flowers" (1828), the almanac "Northern Flowers" (1831) and "Nevsky almanac" (1832). The creative (albeit fragmentary) experience of the critic and censor in its semantic centre reveals a non-random connection with A.S. Pushkin's novel Eugene Onegin. The published excerpts from "Leon" are compared with Pushkin's novel in verse, which makes it possible for the first time to reveal the specifics of the image of a reflective hero modelled by A.V. Nikitenko, who confronts the "disease of the century" (imitative and artificial romance) and tries to overcome it with the help of philosophy (it is natural that A.V. Nikitenko's work has the features of a philosophical novel). But at the same time A.V. Nikitenko uses almost the entire artistic text of Russian and foreign romanticism to create the image of Leon. The mechanisms of dialogue with this text are also the subject of consideration in the article. In addition, the thesis that Leon's image can be interpreted as a specific combination of the features of Eugene Onegin and Vladimir Lensky is substantiated.

Keywords: A.V. Nikitenko, novel *Leon*, A.S. Pushkin, *Eugene Onegin*, A.P. Kern.

References

(Monographs)

Иванов 1987 – Ivanov Vyach. I. *Sobraniye sochineniy: v 4 t. T. 4* [Collected Works: in 4 vols. Vol. 4]. Brussels, 1987. (In Russian).

Кошелев 1999 – Koshelev V.A. «*Onegina vozduzhnaya gromada*» ["Onegin's airy bulk"]. Saint-Petersburg, 1999. (In Russian).

Янушкевич 2013 – Yanushkevich A.S. *Istoriya russkoy literatury pervoy treti XIX veka. Uchebnoye posobiye* [History of Russian literature of the first third of the XIX century. Textbook]. Moscow, 2013. (In Russian).

Поступила в редакцию 31.07.2023